

© Лондонская премия представляет писателя ©

ГРАН-ПРИ В НОМИНАЦИИ «МАЛАЯ ПРОЗА»
МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «НОВЫЙ СКАЗ» ИМ. П. П. БАЖОВА

Ольга Черниенко

ВОРОНА

Лондонская премия представляет писателя

Ольга Черниенко

Ворона

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Черниенко О. В.

Ворона / О. В. Черниенко — «ИП Березина Г.Н.»,
2020 — (Лондонская премия представляет писателя)

ISBN 978-5-907306-86-8

Когда-то давно на Кольском полуострове жила-была девочка. Физически слабая и болезненная, она постоянно подвергалась жестокой травле со стороны одноклассников. Одиночество ребёнка скрашивали животные и птицы. Однажды она подобрала на улице раненого птенца вороны, выходила его, и он стал её лучшим другом. Вместе им пришлось пройти немало испытаний, расставаний, встреч, пока однажды не случилось большое несчастье... Прототипом главной героини является автор. Сюжет рассказа-воспоминания основан на автобиографии автора с использованием художественного вымысла. Читатель узнает много интересных фактов из жизни советских людей конца 50-х – начала 60-х годов. Рассказ о противостоянии добра и зла, любви и ненависти, чести и бесчестия.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-86-8

© Черниенко О. В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Часть 1	7
Часть 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ольга Васильевна Черниенко

Ворона

*Человек – воистину царь зверей, ведь он жестоко истребляет их.
Мы живём, умерщвляя других. Мы ходячие кладбища! Ещё в раннем
возрасте я отказался от мяса.*

Леонардо да Винчи

Ольга Черниенко

По образованию – музыковед. Долгие годы проработала старшим научным сотрудником ГЦТМ им. А. А. Бахрушина. Руководила творческим объединением «Диалог». Автор книг о современной музыке. Прозу – рассказы о животных – пишет с 2012 года.

Кандидат в члены Интернационального Союза писателей. Член Российского союза писателей.

Лауреат литературной премии «Наследие – 2016». Лауреат премии имени святых Бориса и Глеба – 2018. Лауреат международной премии имени Сент-Экзюпери – 2018. Лауреат международной премии имени Владимира Набокова – 2018. Лауреат третьей степени международного литературного фестиваля им. Пушкина, посвящённого 220-летию поэта (2019). Лауреат международного конкурса «Новый сказ» им. П. П. Бажова (2019). Обладатель Гран-при в номинации «Проза». Лауреат всероссийского литературного конкурса «Русь моя» им. Сергея Есенина (2019, первая премия).

Официальный участник Парижского книжного салона – 2017. Номинант на Международную Лондонскую премию – 2019.

Часть 1

Говорят, если ребёнок в раннем детстве постоянно болеет, значит, он отрабатывает карму своих предыдущих воплощений. Не знаю, чем нагрешила я в прошлой жизни, но все свои дошкольные годы я провела в постели.

В памяти остались тумбочка с микстурами у кровати, печальные глаза мамы, мокрое ледяное полотенце, которым она накрывала мой пылающий лоб, пижама в полоску, как у заключённого, и большой плюшевый мишка, сочувствовавший всем моим детским невзгодам.

– Лежишь? – старший братик высыпает на постель оловянных солдатиков. – Может, в войну поиграем? Ты кем будешь – белым или красным?

Зная, что он хочет быть красным (ведь в кино всегда красные побеждают), шепчу:

– Белым! Только белым!

Белым – не потому, что у меня в четырёхлетнем возрасте были какие-то политические предпочтения, просто с красным были связаны больное горло, «пожар» в голове от высокой температуры и постоянный кровавый цвет в глазах, даже когда прикрываешь их веками...

Как же мечтала я вырваться из «тюремной» пижамы, взмыть к потолку, полететь на простор, в голубое небо, окунуться в холодный белый снег... И, умывшись им, словно живую водой, превратиться в сказочного Белого Лебедя, чтобы лететь «через моря, океаны» – спасти зверей, о которых мне бабушка рассказывала: зайчиков, белочек, козлят, поросят, чьих мамочек съели волки. Собрать сиротинушек под одной крышей, в крепком кирпичном доме, как у Наф-Нафа, чтобы ни один «серый волк – зубами шёлк» не мог его слуть!

Но не получалось мне стать Белым Лебедем – болезни, казалось, плавно переходили одна в другую: ангина, корь, скарлатина, ангина, коклюш, свинка, опять ангина, ревматизм, осложнение на сердце, обмороки... И вот я уже не в состоянии не то что ходить, но даже стоять...

– Мамаша, у вас девочка зелёного цвета, ей необходимо усиленное питание: куриный бульон, паровые котлеты, мясо... иначе она физически не сможет пойти в первый класс! – доктор говорит слова, от которых бросает в дрожь, словно зачитывает мне смертный приговор!

Я ненавижу мясо! Я люблю картошку, солёные огурцы и... конфеты в виде разноцветных сахарных подушечек с повидлом внутри! Ведь в те послевоенные пятидесятые других конфет, кроме леденцов и подушечек, мы не знали, с продовольствием на Крайнем Севере было очень плохо: молочных продуктов не видели вообще, крайне редко – мясо и яйца. Продавали их «по десятку в одни руки». Выстраивались огромные очереди из семей в полном составе: бабушки, дедушки, дети, внуки (приносили даже младенцев!), на запястьях химическим карандашом писали порядковые номера, так напоминая многозначные цифры на руках узников фашистских концлагерей из популярного в то время фильма «Судьба человека». От голода нас спасали рыба, картошка, овощные соленья и макароны – очень толстые, какого-то фантастического синеватого оттенка.

В то время я не знала, что причиной нехватки продуктов были непродуманные, губительные для сельского хозяйства реформы, проводимые «нашим дорогим Никитой Сергеевичем». В результате его «нововведений» к началу 60-х белый хлеб стали продавать по карточкам, а с 1963-го Россия – бывшая житница Европы – была вынуждена закупать зерно за границей.

Чтобы накормить детей деликатесами, рекомендованными доктором, родителям надо было совершить подвиг – «найти блат», зайти с чёрного хода и «дать на лапу» директору магазина или местного Дома культуры под гордым названием «40 лет Октября», чтобы тот позволил буфетчице продать курицу или котлеты, предназначенные местному заводскому начальству и партийному руководству.

А дома их ждал неблагодарный ребёнок...

Когда отчаянные попытки впихнуть в меня кусочек котлеты «за маму, за папу» не помогают, рядом с грозным видом устраивается отец:

– Возьми ложку, открой рот, глотай!

Сижу молча, стиснув зубы, словно партизан на допросе в гестапо. От одного запаха фаршированных луком и яйцом котлет под названием «зразы» тошнит. Проглотить хотя бы кусочек этих «зараз» равносильно смерти. Ищу сочувствия у мамы, бабушки, брата. Но все они хором кричат: «Ешь!»

Размазываю «заразу» по тарелке, беру в рот, делаю вид, что жую и глотаю, а на самом деле просто отправляю куски котлет за щёки, как хомяк.

И некому пожалеть меня, несчастную, кроме толстого пушистого серого кота Васи. Вот он – сидит под столом, хищно сверкает огромными изумрудными глазницами, предвкушая чудный момент, когда упадёт ему под нос вожаделенная котлета, стоит хоть на секунду моему стражу отвернуться! Молниеносно исчезает из-под стола кот с добычей в зубах, а мне остаётся лишь облизываться, делая вид, что всё было проглочено мной с огромным удовольствием. Толст и пушист был мой хвостатый друг Вася...

Однако обеденные мучения не всегда заканчивались счастливо – приходилось глотать эти «заразы», давясь и обливаясь слезами...

Конечно, ни о каком нравственном выборе – есть или не есть мясную пищу по принципу «не убий» в столь раннем возрасте – речь тогда не шла, и откуда берётся мясо, я не задумывалась (возможно, и на деревьях растёт). Просто мой детский организм интуитивно протестовал против неудобоваримой, неприятно пахнущей пищи.

Не шли мне на пользу мясо и бульоны из синих, страшных кур: плохое самочувствие только усугублялось, и, наверное, я действительно не смогла бы ходить в школу, если бы мне не удалили железы. Болеть после операции стала меньше, но последствия осложнений на ноги и сердце сказывались на протяжении всей учёбы в младших классах. Я не могла заниматься физкультурой и все уроки просиживала на скамейке в спортзале.

Однажды, когда мои одноклассники дружно бегали за баскетбольным мячом, острое желание двигаться, резвиться появилось и у меня.

Но не выдержало больное сердце даже малой физической нагрузки – скорая помощь едва успела откачать незадачливую «физкультурницу».

– В следующий раз, когда решишь умереть, изволь бегать у себя дома или во дворе – я не хочу сидеть в тюрьме! – прошипела классная руководительница, когда я вновь появилась в школе.

Ещё страшнее были прививки. Каждый раз после укола под лопатку не менее недели с высокой температурой я проводила в постели – иммунитетом организм мой практически не обладал.

С раннего детства из-за постоянных болезней изолированная от своих сверстников, в школе я испытывала трудности с общением. В шумных играх на переменах участия не принимала, ни с кем не дружила и, пребывая в одиночестве, чувствовала себя хрупким птенцом, случайно выпавшим из тёплого, уютного гнезда, где меня постоянно окружала трепетная родительская забота, в мир, где правят жестокость, ненависть, зависть, цинизм. Тощая, бледная, с сильнейшей близорукостью, «глиста в очках», «кобра очкастая» – эти прозвища получила я от издевавшихся надо мной одноклассников. Они устроили мне настоящую травлю: придумывали обидные шутки, дразнилки, обливали тетради и школьную форму чернилами, приклеивали на спину бумажки с оскорблениями, а после уроков, по пути домой, старались толкнуть в глубокий сугроб или пробежаться рядом по лужам, дабы обрызгать грязью мою одежду.

Неправда, что все дети безгрешны: звериным нюхом чуя всех, кто на них непохож, они изгоняют чужака из стаи.

Учительница же не только не наказывала моих мучителей, но и сама смеялась вместе с ними, негласно разрешая унижать любого, кто от них отличался. Я же была «белой вороной», по её понятиям, практически врагом народа – ребёнком из интеллигентной семьи, «с чуждым для социалистического трудового общества» менталитетом, мировоззрением и воспитанием. В этом она была непоколебимо уверена, поскольку ещё «великий пролетарский» вождь когда-то, на заре советской власти, заявлял: «Интеллигенция – это не мозг нации, а г... но».

И для «широких народных масс» интеллигенция на долгие годы осталась «гнилой», «вшивой»; «надклассово чуждым» интеллигентом в шляпе, который «ещё и очки нацепил», и «рук замарать боится», всегда возвышался мускулистый революционный гегемон – «хозяин страны» в кепке набекрень, с «мозолистыми» ладонями, папироской в зубах, гордо и презрительно сплёвывающий сквозь зубы: «Мы академий ваших не кончали!».

Дети же «гегемона» – малолетние «Шариковы» – не знали другого способа возвыситься, как издеваться над теми, кто слабее, по принципу «уж мы душили их, душили».

Узнав однажды, что после уроков вместо сбора металлолома я собираюсь на занятия в музыкальную школу, учительница поставила меня лицом перед классом и отчитала:

– Дети! Смотрите! Она не хочет приносить пользу обществу, не хочет собирать металлолом, необходимый нашей стране для победы над американским империализмом! Она на скрипке пиликает! Интеллихэнтка... Ручки замарать боится! А ну-ка расскажи, чему тебя в музыкалке той учат – ножки задирать?

Сколько же, мягко говоря, «навоза» было в голове у этой женщины, способной тоннами вываливать его на голову восьмилетнего ребёнка!

Выражение «пиликать в музыкалке, ножки задирать» стало своеобразным школьным, как сейчас говорят, «мемом». Теперь, завидев меня, мучители всем стадом орало: «Кыш отседа – пиликать, ножки задирать!»

На переменах я старалась спрятаться в какой-нибудь угол, надеясь, что никто меня там не увидит, или отсидеться на другом этаже, в гардеробе... Не было надежды и на то, что я буду в безопасности хотя бы во время урока. Ибо каждый урок превращался в ад.

Из-за врождённой стеснительности, даже зная правильные ответы, на вопросы учителя я не отвечала, понимая: стоит открыть рот, как все обязательно будут надо мной смеяться. Что бы я ни делала, всё вызывало злобный смех. Однажды я спросила мальчиков, почему они не оставят меня в покое. Ответ сопровождался долгим циничным ржанием: «Ты же из „недобитых“ – „барон фон дер Пшик отведал русский шпик“! Мы будем счастливы, когда ты наконец сдохнешь!»

Чем больше меня дразнили, тем больше я замыкалась в себе, но никому никогда не жаловалась. Если меня спрашивали, как дела в школе, просто пересказывала истории из жизни одноклассников, как будто участвовала в этих событиях. Врать было противно, унижительно, но как поступить, чтобы не расстраивать родителей, я не знала. Ведь лучше примириться с тяготами собственной жизни, чем быть причиной страдания других людей.

– Очень странный ребёнок, не от мира сего! – говорила на родительских собраниях классная руководительница. – Похоже, дефективный! Она не играет с другими, ведёт себя не как все! Смотрит на вас и не видит! Всё время в себе! Когда другие дети смеются – она плачет!

И действительно, мне самой казалось, что этот жестокий, злобный мир, окружающий меня в школе, – не мой, чужой, я не принадлежу ему.

В те годы у детей была своего рода мода на жестокость. Мальчишки мучили животных, особенно доставалось кошкам, мучили нещадно, всем двором. Несчастные создания подвергали «гестаповским» пыткам, затем торжественно казнили. Так малолетние садисты проверяли себя на «мужественность»: смогут или нет... А после жестоких истязаний с руками, выпачканными кровью, совершенно не чувствовали за собой никакой вины, словно все человеческие чувства – сострадание, милосердие, любовь – были у них от рождения заморожены.

Впрочем, и воспитывались они, как правило, в семьях бывших уголовников, где были стёрты все морально-нравственные барьеры. Семей таких было множество: ведь в 1953-м по амнистии на свободу вышли миллион двести тысяч бандитов-рецидивистов, отсидевшихся во время войны в лагерях!

Стремительно разваливался ГУЛАГ, и бывшие осуждённые, надзиратели, вертухаи оказались «не у дел» – без работы, жилья, семей. В это же самое время множество женщин, оставшихся одиночками после войны, страстно мечтали стать матерями, создать свои семьи! Долго выбирать женихов не приходилось...

В итоге с середины 50-х рождаемость резко возросла. В начальных классах в 1959–1960 годах насчитывалось по 40–45 человек! Учились в две, а иногда и в три смены! Учителей не хватало, и в нашем маленьком северном городке, построенном эками ИТЛ (исправительно-трудового лагеря), бывшие надзиратели, среди которых была когда-то и наша классная руководительница, нередко становились школьными преподавателями.

«Блатные» внесли в общество особые, «лагерные», отношения: молодёжь под контролем опытных уголовников сбивалась в криминально организованные банды. Не обошлась без лагерного влияния и школа, превратившись к концу 50-х в подобие тюремной зоны, жившей не по правилам любви и добра, а «по понятиям».

И популярный тогда стишок: «Трудно жить на свете октябрёнку Пете – бьёт его по роже пионер Серёжа...» – как нельзя лучше отражал школьную атмосферу тех лет. Прошло совсем немного времени, отпрыски уголовников достигли призывного возраста, и в Советской армии в 70-е годы пышно расцвела дедовщина.

Мой сосед по парте, рыжий, толстый, красномордый Пашка, сын отпетого рецидивиста, «избранный» классом (на самом деле назначенный классным руководителем) старостой, на общешкольном построении бил кулаком под дых тем, кто стоял «не так», и учительница своего «помощника» не останавливала: он был её опорой. Пашка собрал вокруг себя настоящую банду малолетних живодёров.

Я действительно не находила ничего смешного в популярной у них забаве, безумно веселившей всё это глупое стадо недорослей: к хвосту пойманной несчастной, испуганной кошки они привязывали десяток консервных банок, от грохота которых бегущее животное сходило с ума, бросалось под машины, могло умереть от разрыва сердца... Я же ничем не могла помочь этому несчастному созданию, и слёзы бессилия текли по моему лицу так обильно, что парта становилась мокрой.

– Фу, какая дура! – издевался Пашка. – Ревя, ревя! Я тебе много ещё чего сейчас расскажу. Слушай сюда!

Не дёргайся. Сиди! – пресекал он мои попытки сбежать, чтобы не слышать его рассказов. – Я с тобой говорить буду!

Уставившись на меня стеклянным взглядом маньяка-садиста, с кривой саркастической улыбкой он быстро, торопясь и захлёбываясь слюной, шептал мне всевозможные гадости, стараясь доставить как можно больше душевной боли...

– Ну, мухам и стрекозам крылья отрывать, чтобы сделать их пешеходными, – это ерунда. Можно ещё, например, залить кипятком муравейник! Ошпаренные муравьи так смешно бегать начинают! Выбегут наружу, а мы их ногами, ногами! Гусеницу в лужицу ногой растереть тоже приятно!

Или вот: надуть лягушку через соломинку, а потом двумя ногами на неё... ка-а-ак прыгнуть! Хлоп! Ха! Кишки брызгами разлетаются!

А в деревне с отцом сусликов убивали! У них две норы: в одну входят, в другую выходят. В одну льём воду, у другой с проволочной удавкой стоим. Суслик выскакивает... и тут – батяня ка-ак дёрнет за проволоку! Хряк! Шейные позвонки ломаются, глаза вываливаются! Так и висят на ниточках! Обхохочешься!

От этих рассказов мне становилось плохо: кружилась голова, болело сердце, а Пашка каждый день вспоминал всё новые и новые подробности пыток, которым он подвергал добрых, ласковых, преданных человеку существ, повинных лишь в том, что довелось им родиться на столь ужасной планете! Это был бесконечный мучительный триллер...

Есть у людей странная склонность к разрушению. Радует жизни Божье создание: плавает, летает, ползает, добывает пищу, рождает потомство, наслаждается солнцем, небом, водным простором... И вдруг мимо идущий человек цинично, подло, жестоко уничтожает эту жизнь! И теперь вместо Божьего создания – лишь его мёртвая, раздавленная, растерзанная оболочка! А человек рад! Смеётся, ржёт, гогочет... Разве можно его назвать человеком? Быть может, он есть порождение сатаны?

Быть может, чувства человеческие у этих замороженных можно разбудить, лишь поместив их на место жертвы? Как же хотелось мне увидеть однажды Пашку униженным, плачущим от боли, ползающим по земле, раздавленным, как та гусеница...

Но я боялась его, как боялась его отца – матёрого уголовника с длительным тюремным стажем. Пашка же гордился «крутым батей», способным своими пудовыми кулаками с одного удара «завалить» любого: быка, лошадь, человека! Хвастался, что и дед его был «героем» – скольких буржуев в Гражданскую удавил он собственными руками!

Пашка мечтал стать таким же, как они, а может, ещё «круче»! Он и стал им – главным над братками в 90-е, и скульптура его в полный рост уже лет двадцать на аллее престижного кладбища. Застрелили его в одной из бандитских разборок.

Паша Меченый – эту кличку носил он всю жизнь, с тех самых пор, когда получил её ещё октябрёнком...

«Октябрята – дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут!» Реальность же была совсем иной: бесконечные построения, равнение в затылок, хождение строем, коллективные выкрикивания глупых лозунгов – воспитание, направленное на полное обезличивание человека.

Настоящая жизнь, казалось мне, должна была быть иной, не такой, какой мы её привыкли считать. И эта жизнь была у нас дома, где после уроков меня ждали верные друзья!

Мои замечательные, чуткие родители, заметившие интерес детей к живности, устроили в нашей квартире небольшой зоопарк! Понимая, что у дочери лёгкая степень аутизма, при котором возникают сложности с общением, они интуитивно чувствовали: контактирование с животными снимет у ребёнка депрессию, избавит от чувства одиночества и, возможно, поможет в установлении социальных связей.

Кошки, собаки, черепахи, кролики, канарейки, попугаи, щеглы, аквариумные рыбки... Всё это пело, свистело, тьякало, мяукало – требовало заботы, внимания, любви! Обязанности по уходу за ними были возложены на нас с братом. Они нисколько не отягощали, наоборот, воспитывали самостоятельность, ответственность, дисциплинировали, а самое главное, снимали психоэмоциональное напряжение после дневного пребывания в ненавистной школе. Сколько бурной радости, ликования вызывало у хвостиков наше возвращение домой! Как приятно было обнять, прижать к себе эти живые, тёплые шерстяные комочки, страстно вылизывающие наши лица своими шершавыми язычками!

Каждый раз, глядя на их неподдельный восторг, удивлялась тому, насколько разительно отличается отношение домашних питомцев к людям от отношений людей друг к другу! Животные – души чистые: им чужды обман, обиды, сплетни, предательство, оскорбления, соперничество, свойственные моим сверстникам уже в раннем возрасте. Им было всё равно, как я выглядела, какие оценки получала, что обо мне думали в школе... Только любовь, преданность и незыблемая вера в то, что хозяин их – средоточие Вселенной!

Наверное, осознание своей значимости в глазах домашних питомцев повышало и мою самооценку.

Дом наш был полон не только милых, забавных хвостатых друзей, но и редких для Крайнего Севера («где десять месяцев в году зима, а остальное – лето») комнатных растений. Похоже, мама стремилась воссоздать в нашем жилище кусочек Эдема, где обитатели жили бы в полной гармонии друг с другом! Удивительно, но в условиях длительной полярной зимы, когда природа отпускает северянам совсем немного солнечных лучей, на подоконниках у нас цвели чайные розы, гортензии, фиалки самых разнообразных оттенков.

В начале 60-х на Кольском полуострове появилось телевидение – всего одна программа, и то не каждый день... Однажды из телепередачи я узнала: на рост, здоровье растений и животных весьма благотворно влияет музыка!

Вот как? Значит, мне надо срочно записаться в музыкальную школу! И вскоре я уже училась играть на скрипке. Выбор инструмента был неслучаен – скрипка стала моим голосом, моей речью, с её помощью я могла рассказать о том, как страшно жить на свете.

Питомцы с самого начала музыкальных занятий заинтересованно наблюдали за всеми моими действиями. Уморительно было видеть, как шенок при первых же звуках разучиваемой пьесы вертит головой с боку на бок, в особо чувствительных музыкальных моментах начинает «подпевать» – подвывать, а кот, словно дирижёр палочкой, в такт размахивает хвостом! Попугаи повторяют отрывки мелодий, канарейки со щеглами соревнуются в импровизациях, и, кажется, даже розы с фиалками, аплодируя листьями (браво!), смеются от счастья!

А ещё я любила рассказывать моим друзьям сказки, читать вслух рассказы и даже повести. Книжки были моим страстным увлечением. Они помогали окунуться в иную действительность – мир невероятных приключений, путешествий, интриг и происшествий, где героями были люди сильные, храбрые, справедливые, где добро всегда побеждало зло! Мне казалось, животные понимают, о чём я им рассказываю: ведь они выполняют команды – значит, знают слова! Они меня понимали так, как не понимали сверстники!

«Рассудок у зверей не погружён во тьму. Есть у цветов душа, готовая раскрыться, в металле тайна спит и хочет пробудиться. Всё в мире чувствует...»

И я стремилась создать для них мир, в котором бы царствовали нежность, взаимопонимание, любовь!

Однажды, изучая содержимое родительской библиотеки, я нашла томик Льва Толстого – «Путь жизни». Конечно, в десятилетнем возрасте постичь всю глубину объёмного философско-религиозного произведения мне было сложно, но несколько мыслей, изложенных в нём, поразили в самое сердце.

«Десять лет кормила корова тебя и твоих детей, одевала и грела тебя овца своей шерстью. Какая же им за это награда? Перерезать горло и съесть?»

Именно тогда пришло осознание страшной несправедливости: чистые, наивные и невинные души братьев наших меньших жестоко уничтожаются человеком ради насыщения желудка! И убийства эти объясняются необходимостью потребления человеком животного белка, законами пищевой цепочки!

«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...»

Нет, не принимала моя душа происходящего ужаса. Чего только не придумают люди ради оправдания своих преступлений! Ведь не мог же Бог, «который и есть любовь», придумать столь жестокий мир! Разве для того он создал животных, чтобы их убивали, чтобы они мучились, страдали от боли?

Как же заповедь «не убий»? Ведь убийство – грех! А может, причиной жестокости является не Создатель мира сего, а человек, наделённый им свободой выбора, нарушивший его заповеди? Значит, источник зла есть человек?

На собственном опыте я могла убедиться: животные гораздо порядочней и благородней людей в своих привязанностях, самопожертвовании, альтруизме, сострадании... Животные – это не только двери в иные миры, но и путь к себе, не испорченному ложными ценностями. Но большинство людей, совершенно не зная их и не желая знать, считает, что человеческие чувства им неведомы!

А может быть, человечество в большинстве своём ещё недостаточно разумно, чтобы их понимать? Ведь понимание означает сопереживание, попытку хотя бы мысленно побывать в шкуре жертвы. Но многие люди вообще неспособны чувствовать чужую боль. Как будто и не люди они, а биороботы. Всё, что им не нравится, – уничтожить! Остальному дозволено существовать только ради потребностей человека, ибо «человек превыше всего»!

Разве приходит людям на ум, что у существа, плоть которого они едят, была своя жизнь, любовь, заботы о потомстве? Жизнь, в которую внезапно ворвались насильники, подло и самым жестоким образом перевели её на навоз...

Разве можно, убив безвинное существо, радоваться жизни? Разве убийца может быть счастлив? На чём основано убеждение в превосходстве человека над остальными обитателями планеты? Не является ли это убеждение признаком зоофашизма? А если человек – зоофашист, не представляет ли он главную опасность для планеты? Иль миром правит сатана? Ведь Толстой упоминает высказывание Ибрагима Кордовского: «*Истинная вера одна – любовь ко всему живому!*» Любовь никак не может сочетаться с убийством! «Добродетель несовместима с бифштексом!» Нет, что-то в этом мире не так...

Эти размышления привели меня к окончательному отказу от мясной пищи. Удивительно, но, вопреки прогнозам, я не «позеленела» вновь, не потеряла способность ходить и стоять – напротив, по мере очищения организма от токсинов и шлаков здоровье начало укрепляться, болезни отступили.

Однажды, возвращаясь из школы, я увидела на земле беспомощного воронёнка. Вид у птенца был жалкий: мокрый, нахохлившийся, он с трудом держался на лапках, а когда пытался шевелиться, его бросало из стороны в сторону. Вероятнее всего, вывалившись из гнезда, воронёнок ударился о землю. Взрослых птиц, способных защитить малыша, рядом не было, и, понимая, насколько опасно оставлять птенца на улице, я принесла его домой.

Он был совсем ещё крошкой (чуть больше двух недель): мутные голубые глазки, розовый клювик; мягкий, нежный, похожий на шерстку котёнка детский пух на голове и хрупкой шейке. Летать не умел, на лапках держался с трудом: передвигался неуклюже, пытался скакать, но лапы разъезжались, и он заваливался то вперёд, то назад... Не мог самостоятельно есть – две недели понемногу и часто (даже в ночные часы) мы с мамой кормили его из пипетки разнообразной жидкой пищей, благо вороны всеядны.

Соорудили небольшое гнездо из травки, мха, тряпок и заперли его в большой клетке для попугаев, опасаясь, как бы коту Ваське не вздумалось полакомиться нашей новой птичкой.

Воронёнок был очень слаб – большую часть времени спал. Из гнезда вылезал только для того, чтобы опраться. Малыш оказался на удивление аккуратным: делал всё в одном определённом месте, дабы не загрязнять жизненное пространство своего «гнезда».

Уже потом, беседуя с орнитологами, я узнала: мой воронёнок не был уникальным! Вороны – единственные птицы, которые не пачкают своих жилищ, – опорожня кишечник при полёте к нему или вылете, оставляют большую часть помёта под гнёздами! А это значит, что ручную домашнюю ворону можно приучить пользоваться туалетом!

Спустя трое суток воронёнок наконец стал приходить в себя: двигался увереннее, просыпался сам через каждые два часа с напоминанием, что пора бы его накормить: смешно мяу-

кал, кричал, тряс крыльями и широко открывал клювик, словно ждал, когда ему туда положат червячка. При виде домочадцев вёл себя как щенок или котёнок (все малыши любят ласку!): подставлял головку, ожидая, когда погладят его от клюва к затылку или нежно почешут подбородок. Во время еды пытался разговаривать – выражая восторг, издавал звуки, похожие на «и-и-и» и «ням-ням». За что и получил необычную кличку: Няма, Нямушка.

Вскоре Няма начал узнавать всех домочадцев, взлетал, садился на плечо, нежно прижимался головой к щеке, тёрся и что-то бормотал, словно нашёптывал слова любви.

Первое время Васька представлял главную опасность для нашего нового питомца: он усаживался неподалёку, буквально гипнотизируя птичку. Затем подпрыгивал, пытаясь вцепиться лапами в клетку, однако та была предусмотрительно подвешена на достаточно большом расстоянии от пола.

Удивительно, но как только воронёнок подрос, Васька потерял к нему всякий интерес, ибо понял: в противном случае ему придётся несладко. Взрослая ворона вполне может и заклевать кота. Однако Няма и к Василию испытывал добрые и даже нежные чувства, считая его, как и всех проживающих в доме, одним из своих «родителей»: при виде кота, собаки издавал радостный вопль, скакал навстречу и, широко раскрывая клюв, предлагал покормить «голодную» птичку.

Долгое время он не мог самостоятельно есть – привык, что его кормят, – а когда научился, стал кормить нас. Во время обеда садился на спинку стула и внимательно наблюдал за моими действиями. Иногда, по его разумению, что-то шло не так. И тогда он брал еду с тарелки, настойчиво совал мне в рот, строго смотрел в глаза, пытался что-то говорить, как когда-то моя бабушка – «за маму, за папу».

Подросший воронёнок свободно гулял по квартире (его клетка всегда была открыта, он только спал в ней), с любопытством изучал предметы, собирал соринки и всё, что «плохо» лежало, тащил в схрон, устроенный им в старинном кресле. Особым спросом пользовались у него цветные карандаши и мелкие радиодетали (мой брат увлекался радиолобительством). Он любил играть в игрушки, совсем как маленький ребёнок: звонил в колокольчик, бил в бубен и даже превратил маленькую машинку брата в импровизированный самокат: отталкиваясь одной лапкой от пола, он резво носился из комнаты в комнату на своём «личном транспорте».

Постепенно его детский пух сменился блестящими взрослыми перьями, розовый клювик почернел, и только глаза оставались нежно-голубыми.

Он не только менялся внешне, но и развивался интеллектуально. Так, поначалу, изучая в зеркале собственное отражение, Няма пытался драться с «соперником», прятаясь за шкафом! Поднимал хвост, издавал победный клич и... напал! Однако по мере взросления пришло понимание: в зеркале – не кто иной, как сам Няма! И этот Няма ему явно нравился! Воронёнок внимательно, с удовольствием себя разглядывал, изучал и даже снимал соринки с перьев! Он был очень аккуратен: любил купаться в тазике с водой, чистить пёрышки, перебирать лапками шерсть у собаки в поисках блох.

Понимал ли он человеческую речь? Несомненно! И не только речь! Каким-то непостижимым образом он умудрялся предвидеть мои действия, словно мысли считывал! Стоило лишь подумать о еде, как Няма летел на кухню, садился на спинку стула, каркал: что сегодня у нас на обед?

Стоило вспомнить о скрипке, как Няма приземлялся на скрипичный футляр; вспоминала о школе – и Няма тут же прижимался головой к моей щеке, что-то нежно ворковал, словно пытался меня утешить.

Люди часто восторженно восклицают: умное животное – слова понимает! Но при этом сами даже не делают попыток узнать язык братьев наших меньших, что говорит не в пользу «человека разумного», ведь собаки, обезьяны, вороны, попугаи прекрасно разбирают человеческую речь, знают сотни слов, их значение и даже узнают по речи человека!

У ворон есть настоящий язык, включающий несколько сотен слов, разнообразные тембры, тональности: для друзей преобладает высокий тембр, для недругов – низкий, грубый, дабы создать у врага иллюзию, что ему отвечает крупная особь. Ворона – замечательный имитатор, пародист: может подражать голосу и манере поведения человека. У них прекрасная память – помнят всех, кто принёс им зло, и мстят, часто жестоко, но и благодарность их тем, кто помог в беде, безмерна.

Возможно, птицы, как и собаки, видят человеческую ауру, а это значит, могут безошибочно определить моральную сущность незнакомца, отличить доброго человека от злого. И в этом плане, подобно ясновидящим, они способны считывать информацию биополя. Связь ворон с тонким миром была замечена давно, неслучайно сохранившиеся народные поговорки гласят: «На кого вороны грают – того боги покарают», «Под вороний грай не пускают в рай», «Кто ворон не любит, у того совесть нечиста», «Ворону обидеть – счастья не видеть», «Кто ворону убьёт, сам скоро умрёт».

Первый год своей жизни Няма провёл с нами – желая покинуть тёплый, уютный дом у него не появлялось, хотя он интересовался окном, выходил на балкон и даже ненадолго перелетал на дерево, стоявшее под ним, но каждый раз возвращался. Понимая, что однажды наш питомец захочет улететь, мы надели ему на лапку алюминиевое кольцо.

Наступала осень, день становился короче – приближалась долгая полярная ночь. Зимы у нас суровые – метели, вьюги, трещат деревья при сорокаградусном морозе, и воробышки на лету замерзают.

Как-то раз воронёнка на балконе заметила стая ворон – поднялся невообразимый гвалт. Птицы кружили над нами, каркали, а когда мы с Нямой поспешили спрятаться в комнате, на балкон высадился птичий десант, застучал клювами в стекло, словно вызывал своего родича на «разборку». Из книг я тогда уже знала: если стая ворон подняла гвалт, на следующий день обязательно пойдут дожди, ударят заморозки.

И действительно, птицы, дежурившие несколько часов у нашего окна, вдруг словно по команде взметнулись в небо, разом почерневшее от сотен крыльев, и отправились в дальние края: ведь вороны на Крайнем Севере не зимуют. Вернутся они лишь в апреле, чтобы криком своим пробудить природу. «День прилёта серой вороны» – праздник весны у народов Севера. Быть может, стая звала Няму с собой?

Прошёл год, прежде чем он к ним присоединился и следующей осенью покинул нас. Пусто, грустно и даже, казалось, холодно стало в квартире без нашего забавного, нежного воронёнка. Но удержать его уже было невозможно. Говорят, что в крыльях птицы живёт свобода и если человек сам извечно стремится к ней, он не вправе становиться тюремщиком животных и птиц.

По ночам я часто долго не могла уснуть: все думы были о Няме. Что с ним? Где он? Примут ли его птицы? Не станет ли он добычей уличных котов, которых привык считать друзьями? Увижу ли его когда-нибудь?..

Могла ли я тогда предполагать, что возвращение воронёнка приведёт к совершенно невероятным событиям?..

Часть 2

...Нельзя к животным подходить с человеческой меркой. Их мир старше нашего и совершеннее, и сами они – существа более законченные и совершенные, чем мы с вами. Животные – не меньшие братья и не бедные родственники, они – иные народы, вместе с нами попавшие в сеть жизни, в сеть времени; такие же, как и мы, пленники земного великолетия и земных страданий.

Генри Бестон

Ранним утром в середине апреля я услышала настойчивый стук клюва о стекло. Открыла форточку и в комнату влетел Няма! С приветственным криком облетев квартиру приземлился на моё плечо. Воронёнок вернулся!

Но нет, это был давно уже не воронёнок, а красивый сильный самец с метровым размахом блестящих чёрных крыльев и крупным изогнутым клювом. Нежно, как в детстве, он потёрся головой о мою щёку и принялся что-то долго, торопливо рассказывать. Жаль, не дано мне понимания языка пернатых, не узнала я о его приключениях, поняла лишь настроение: восторженное, как у странника, вернувшегося наконец в любимый дом. Насыпала ему полную миску крупы, накрошила печенье.

К удивлению, он есть не стал, а, схватив кусочек, вылетел на балкон, где на перилах его скромно ждала другая ворона, меньше размером, самочка с аккуратной, гордо посаженной круглой головкой, в переливающемся зелёным, фиолетовым, синим цветами оперении. Пока Няма не накормил невесту, как птенца – изо рта в рот, – сам он не проглотил ни кусочка. Очевидно, таков у ворон брачный ритуал.

– Твоя избранница, малыш, красавица, настоящая жемчужина! Не возражаешь, если я так и буду её называть – Жемчужинкой?

Он, конечно же, не возражал, а самочка, словно в ответ на похвалу, кокетливо вильнула хвостиком, и мне показалось, что она вежливо улыбнулась, совсем как благовоспитанная девица.

Птицы сразу приступили к строительству совместного жилища на той самой берёзе под балконом, где когда-то, после первых учебных полётов, Няма любил отдыхать. Весь день они таскали на дерево сломанные ветки, обрывки проводов, ниток, шнурков, бумаги, найденные среди мусора...

Я вынесла на балкон обрезки старого шерстяного свитера. Птицы утащили их лишь перед самым завершением строительства, очевидно, выстелили тёплой шерстью дно своего гнёздышка. Весь созидательный процесс сопровождался постоянным неторопливым птичьим бормотанием – возможно, супруги обсуждали технические вопросы устройства гнезда, при виде же других ворон принимались громко кричать: это наше дерево, занято!

Дней через десять я заметила: воронёнок мой летает в одиночестве, значит, Жемчужинка снесла яйца! Двадцать суток птичка ни на секунду не покидала своего жилища! Даже когда в самом конце апреля пошёл снег, поднялась метель и температура упала до минусовой отметки, супруги сидели в гнезде, плотно прижавшись друг к другу, распушив перья, спрятав под крылья головы, всеми силами сохраняя тепло, столь необходимое для потомства.

Няма кормил любимую не менее семи раз в час. Возможно, ему было легче, чем другим будущим отцам пернатых семейств – ведь еду в большом количестве я оставляла для них на балконе. Далеко летать не приходилось, и он большую часть времени сторожил супругу.

Жемчужинка оставалась в гнезде и тогда, когда появились на свет голенькие розовые воронята, нуждавшиеся в материнском тепле. Пройдёт ещё несколько дней, прежде чем они

обрастут пухом, и тогда уже обе вороны будут беспрестанно носиться вокруг широко открытых розовых горлышек птенцов, тянущихся к родителям!

Стараясь помочь заботливым птичкам, я выносила на балкон каши, зерно, семечки...

Теперь, когда главной заботой моего воронёнка стало выращивание потомства, мы стали меньше общаться, он практически не бывал в квартире, хотя часто вместе с подружкой поджидал меня у подъезда дома. Воронёнок садился на плечо, а Жемчужинка кружила над моей головой, показывая себя во всей красе на фоне ярко-синего весеннего неба. Я бросала ей куски печенья на землю, и она доверчиво подходила к моим ногам. Няма при этом что-то восторженно ворковал, бормотал, очевидно, пытаясь поведать мне о своей пылкой любви к пернатой половинке.

В такие минуты я часто задавалась вопросом: почему человек присвоил себе исключительное право на любовь? Почему он упорно твердит, что душа есть только у человека? И животное не имеет никакой ценности по сравнению с ним? Откуда столь непогрешимая уверенность, что человек – «венец творения», «разум его единственный и неповторимый», у животных же – ни души, ни разума, одни инстинкты? Да и вообще все они, как говорил академик И. Павлов, – обычные «механизмы»!

Разве могли бы мы, «высокогуманные существа», использовать мыслящих, чувствующих существ в качестве еды или транспорта? Нет, конечно, мы же существа «высокоразвитые и душевно просветлённые»! Несомненно, мы пользуемся механизмами!

Но так ли это? Действительно ли у животных нет души и ценность преданной собаки, способной пожертвовать своей жизнью ради хозяина, ничто по сравнению с ценностью жизни уголовного преступника: насильника, убийцы, грабителя? А если сравнивать верность моногамных животных и птиц с преданностью человека своим возлюбленным, кто выиграет? А может, человеку надо бы следовать высокому уровню морали, присущему животным?

Здесь, наверное, кто-то посмеётся: дескать, какая может быть мораль у животных? Ведь мораль, нравственность придуманы человеком – это всего лишь список правил поведения в обществе, который может меняться в связи со сменой идеологии в государстве. Мораль и нравственность выносятся людьми за рамки законодательств – соблюдение закона не предполагает обязательного соблюдения морали. Наказания за несоблюдение не последует, максимум – осуждение окружающих. «Он зверь!», «Он животное!», «Люди так не поступают!» – будут кричать они, совершенно не представляя, что на самом деле естественная, природная мораль есть и в животном мире: не убивать своего, не бить лежачего! Быть верным своей подруге, воспитывать и защищать потомство! Без этих правил не выживет ни один вид!

Мораль животных незыблема и неизменна. И, в отличие от людей, они никогда не убивают ради развлечения! Не ведут войн внутри своего племени! Никогда не уничтожает победитель соперника даже в брачный период, когда самцы меряются друг с другом силой! И только человек постоянно ищет врагов.

По расовым, этническим признакам, языку, полу, религии, социальному статусу, даже возрасту (!) делит он подобных себе на «своих» и «чужих»! Ненависть к тому, кто объявлен «чужим», доходит порой до кровопролитной дикости...

И тогда появляются сомнения: а действительно ли у всех людей на Земле есть душа? Или планету нашу топчут биороботы (те самые механизмы) – жестокие, безразличные дикари, бездушные твари, лишённые сострадания и любви ко всему, что их окружает?

Знаменитая лебединая верность всегда вдохновляла поэтов, художников, композиторов. О ней слагали стихи и писали песни. Но никто ни разу не воспел воронью любовь. Ведь лебедь – по человеческим понятиям, красивая птица, а ворона – «некрасивая»! Зачем же вспоминать о любви какого-то страшилища? Тем более что людям часто нравится убивать животных и птиц только потому, что, как им кажется, они «некрасивые, страшные, ужасные»...

Но у Бога нет «некрасивых» творений, и вороны на самом деле прекрасны! Сколько достоинства в гордой посадке головы, походке, поведении! Какой замечательный окрас опе-

рения! Чёрные шапочка, крылья и хвост с зелёным, синим, фиолетовым отливом, манишка голубовато-серая, пушистые серые штанишки... Как и лебеди, вороны моногамны: избраннику своему не изменяют, сохраняют семью не только в брачный период, но и всю последующую жизнь – во время высиживания потомства, вскармливания, обучения, воспитания... А если случится несчастье и погибнет самец, никогда более ворона-вдова не вступит в брак, сохраняя верность любимому на всю оставшуюся жизнь! Разве это не пример настоящей любви и преданности, которой надо поучиться большей части «прогрессивного» человечества?

Моногамия свойственна многим видам животных – от мышки, совы до гималайского медведя. Супружеские измены здесь не приветствуются. Грифы, например, если уличат члена своего клана в неверности, вполне могут устроить ему хорошую трёпку!

Ворона – миролюбивая птица. Если и нападает на кого-то, то с единственной целью – защитить потомство, и разоритель гнёзд может остаться инвалидом на всю жизнь. Птенцы же, когда подрастут, надолго останутся с родителями и будут помогать выращивать последующие поколения до тех пор, пока сами не найдут себе единственную любовь.

Но вороны слишком тщательно выбирают спутника жизни, и потому семьи, разрастаясь, иногда достигают 15–20 особей. Родители, их разновозрастные детки живут вместе, стаями, передавая из поколения в поколение полученные жизненным опытом знания. Учёные утверждают: разум вороны на уровне четырёхлетнего ребёнка, по своим возможностям не уступает разуму дельфина. Благодаря наличию у них прекрасной памяти все обидчики остаются в «вороньей истории» навсегда: о «преступнике» будет поведано детям, внукам, правнукам... И преследовать его вороны будут даже в другом городе!

Может ли примитивный «механизм», руководимый «одними инстинктами», так разумно действовать?

Внутри стаи существует сложная иерархия. Главные вороны занимают на деревьях верхние ветки. Чем важнее персона – тем выше ветка, на которой она сидит, где всё видит, всё слышит, всё знает... Однако в плохую погоду верхняя ветка – самая невыгодная позиция. Мокнуть под холодным осенним дождём не каждому понравится, а градом и убить может. Но никогда, ни при каких обстоятельствах главная ворона не сгонит с нижней ветки ворону-«парию», ибо уважает чужую собственность! Найдёт для себя другую, возможно, менее удобную, но обязательно свободную ветку!

Каждая ворона делает запасы на чёрный день. Казалось бы, зачем важной персоне ежедневно искать себе пропитание? Разве не проще «экспроприировать» его у «рядовых вороньих граждан»? В голодные времена люди так и поступали: грабили тех, кто слабее. Ворона же, даже если будет умирать с голоду, никогда не тронет припасов сородичей!

У большинства птиц сильно развито чувство сострадания. Отчаянный крик раненого собрата заставляет лететь на помощь к нему всю стаю. Пострадавшего, как и осиротевших птенцов, кормят все соплеменники! Но даже эти птичьи доброту и великодушные люди цинично используют в своих меркантильных целях. Так, жители Мексики, дабы не утруждать себя рыбной ловлей, калечат и привязывают к дереву пеликана. Вопли истязаемой птицы собирают стаю её собратьев. Их сочувствие пленнику проявляется не только скорбными криками, но и желанием доставить в своих сумчатых клювах питание пострадавшему – свежую рыбу. Её-то и забирают себе «высокоморальные» двуногие «венцы природы»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.